

*В.Н. Земцов**

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА
НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ, ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК РУССКИЕ ДВАЖДЫ НАСТУПИЛИ НА ОДНИ
И ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ****

Вклад Урала в победу над Наполеоном можно назвать заметным и даже значительным. Несмотря на отсутствие глубокого и комплексного исследования этого вопроса¹, данный тезис обычно возражений не вызывает. Однако сегодня проблема должна быть поставлена несколько иначе: каким было воздействие Наполеоновских войн на сам Уральский регион в плане промышленного, социального и культурного развития? Одним из аспектов такого воздействия были последствия пребывания тогда на Урале значительного числа пленных солдат и офицеров армии Наполеона как в 1807 г., так и 1812–1815 гг.

Проблема влияния этих военнопленных на различные сферы российского общества стала в последнее десятилетие предметом активного обсуждения. Это связано с появлением нового поколения историков Отечественной войны 1812 года, которые перешли от фрагментарного освещения отдельных эпизодов к созданию цельной картины пребывания военнопленных в нашей стране, соединяющей общее и частное². На сегодняшний день достаточно неплохо исследованы такие вопросы, как правовой статус военнопленных 1812–1815 гг., эволюция правительственной поли-

** Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор Уральского федерального университета.*

*** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (12-11-66006 «Урал в начале XIX века: влияние Наполеоновских войн на специфику региональной модернизации»).*

¹ Среди наиболее заметных публикаций следует назвать: Урал в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. Свердловск, 1945; Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург, 2008.

² *Бессонов В.А.* Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Дис... канд. ист. наук. Самара, 2001; *Он же.* Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002; *Он же.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. 4 (Труды ГИМ. Вып. 147). М., 2005; *Хомченко С.Н.* Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг. Дис... канд. ист. наук. Самара, 2007; Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. 9 (Труды ГИМ. Вып. 183). М., 2010. С. 265–338; и др.

тики по отношению к ним, судьба военнопленных в центральных, северных, западных и поволжских губерниях и даже в Предуралье³. Благодаря усилиям прежде всего Б.П. Миловидова активно разрабатывается вопрос о численности бывших военнопленных, оставшихся в России после окончания Наполеоновских войн, а также о попытках привлечения их к различного рода работам⁴. Вывод Б.П. Миловидова заключается в том, «что численность эмигрантов войны 1812 г. оказалась весьма незначительной» и «говорить о сколько-нибудь продолжительном влиянии пленных наполеоновских солдат и офицеров на российское провинциальное общество невозможно»⁵. Мы попытались проверить и конкретизировать это утверждение, обратившись к сюжетам, связанным с жизнью уральских горных заводов той поры, и обнаружили удивительное переплетение сказочных мифов с не менее увлекательной цепью реальных событий.

Для начала напомним, что на протяжении большей части XIX в. в Западной Европе и Америке имела широкое хождение история о том, как 70 военнопленных были распределены для работ на «заводы Демидова». Благодаря фантазии двух французских авторов Ш.О. Барбару и Ж.А. Лардье в 1826 г. появился на свет легендарный персонаж – сержант 9-го линейного полка Р. Гийемар, который, якобы оказавшись в Нижнем Тагиле и Черноисточинском заводе, с интересом и приятностью познавал до 1814 г. жизнь горнозаводского Урала⁶. В свое время мы попытались показать мифологичность данной истории и выяснить источники той достаточной точной информации об Уральском крае, которая содержалась в «Мемуарах Гийемара», написанных Барбару и Лардье⁷. Однако зная о самом факте пребывания в Пермской губернии в 1807 г. и в 1812–1814 гг. французских военнопленных, мы не могли полностью исключить возможность появления некоторых из них на Гороблагодатских

³ Хомченко С.Н. Указ. соч.; Валитова Ф.Х. Пленные французы в Вятской губернии и в г. Елабуге в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005; Дашкевич Л.А. Военнопленные Великой армии Наполеона на Урале: к постановке проблемы // Россия в зеркале военной истории (к 200-летию Отечественной войны 1812 года): материалы Международной научно-практической конференции. Кострома, 2012. Т. 1. С. 54–57; Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812–1814 гг. // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2012. № 3 (41). С. 68–81.

⁴ Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011. С. 163–190.

⁵ Алфавит военнопленных... С. 276.

⁶ Mémoires de Robert Guillemard, sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823. P., 1826. Т. 1–2.

⁷ См.: Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. № 1 (18). 2008. С.116–125.

заводах, а значит, и возможность посещения ими Нижнего Тагила и Черноисточинского завода. Обратившись к фондам уральских архивов, мы увидели следующую картину.

Первая попытка использовать французских военнопленных в работах на уральских заводах относится к 1807 г.⁸ В 1806 г. по высочайшему повелению часть пленных из французской армии, содержащихся в районе г. Гродно в расположении войск генерала от инфантерии А.М. Римского-Корсакова⁹, должна была быть эвакуирована вглубь страны в связи с приближением военных действий к границам империи. Офицерам предстояло отправиться в Симбирскую, а нижним чинам в Вятскую и Пермскую губернии. В марте 1807 г. оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский, получив это предписание, уведомил о нем пермского генерал-губернатора К.Ф. Модераха. Тот в свою очередь возложил обязанность по приему и размещению военнопленных на гражданского губернатора Б.А. Гермеса¹⁰. Их маршрут был определен еще в ноябре 1806 г. министром военно-сухопутных сил С.К. Вязмитиновым: «прямейшими дорогами» от Гродно на Минск, затем по пути Смоленск – Вязьма – Калуга – Серпухов – Коломна – Владимир – Нижний Новгород – Казань. Было предложено снабдить военнопленных одеждой и обувью «сообразно времени года»; экипажами – «по рекрутскому учреждению на каждых 12 человек по одной подводе обывательской», для тяжелобольных – по одной подводе на двух человек, под пленными офицерами – «на каждых двух человек по одной подводе в две лошади». Денежные дачи производить «безостановочно на каждые 7 дней вперед, а нижним чинам месячный провиант против солдатского». На денежное содержание военнопленных нижних чинов предполагалось отпускать унтер-офицерам – по 7 копеек, рядовым и нижним чинам – по 5 копеек; «сверх того унтер-офицерам, рядовым и нестроевым нижним чинам провиант противу солдатских дач». Предлагалось установить за конвоируемыми военнопленными надзор, «чтобы вели себя они скромно и послушно», но одновременно чтобы «ни малейшего притеснения или пренебрежения ни от кого чинима не было»¹¹.

⁸ Этот сюжет затрагивался ранее в публикациях А.А. Терёхина и В.Н. Земцова: *Терёхин А.А.* К вопросу о ссылке военнопленных в Прикамье // *Вестник Пермского гос. пед. ун-та. Серия «История»*. 2002. № 1. С. 56–64; *Земцов В.Н.* Военнопленные армии Наполеона на Урале.

⁹ А.М. Римский-Корсаков (1753–1840), командовал Резервной армией на западных границах империи и был военным губернатором Виленской губернии; внук В.Н. Татищева.

¹⁰ Модерах – Гермесу. Пермь, 26 марта 1807 г. // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 65. Оп. 4. Д. 62. Л. 1.

¹¹ Вязмитинов – министру внутренних дел. 28 ноября 1806 г. Копия // Там же. Л. 5–7.

Модерах, получив сии предписания, теперь, в марте 1807 г., озаботился выполнением инструкций на практике. Во-первых, надо было решить вопрос о конвоировании военнопленных. Дело в том, что воинская штатная команда совместно с конвойной командой из гарнизонного казачьего полка должна была сопровождать пленнх до границы с Пермской губернией. От этой границы и до места окончательного размещения военнопленных, по мнению Модераха, конвоировать их должны были иррегулярные подразделения из Оренбургской военной инспекции. Модерах распорядился, чтобы вятский гражданский губернатор предписал Сарапульскому земскому суду доставить через нарочных требование Оханскому земскому суду выделить для конвоирования «находящихся по станциям казаков». Во-вторых, денежное содержание предполагалось осуществить из средств «казенных палат» через казначея Ф.А. Голубцова; эти суммы предполагалось употребить главным образом на «потребности в исправлении одежды» и на «платеж обывательских подвод». В-третьих, разместить военнопленных Модерах решил «постоем у жителей», так как «свободных казенных строений нет». Более того, для уменьшения нагрузки на губернский город «для обитания» военнопленных было решено использовать еще и уездные города Чердынь, Соликамск и Верхотурье, куда нужно было «отсылать их небольшими отделениями», употребляя для конвоирования «казаков, состоящих на станциях» и «военнослужителей штатных команд». Городской полиции было вменено не допускать, чтобы военнопленные вели какую-либо переписку, «помещать их в дома обывателей с обяанием сих последних подписками, чтоб они... имели неослабное наблюдение, внушая им (военнопленным. – В.З.), что за дерзкий [неразборчиво] поступок или самовольную отлучку подвергнуты они, сверх строевого наказания, крепчайшему заключению». Вместе с этим вновь подчеркивалась необходимость «охранения» военнопленных «от напрасных обид и притеснений»¹².

Уже 27 и 28 марта пермскому городничему Авдеевскому, верхотурскому городничему Черкасову, в пермский нижний земский суд и Оханский нижний земский суд были отправлены соответствующие предписания. Обязанность выделить конвойных для сопровождения пленнх, как и предписывал ранее Модерах, выпала на долю Оханского нижнего земского суда¹³. Всего предполагалось принять в Пермской губернии ни много ни мало как 58 унтер-офицеров и 436 рядовых (позже цифра уменьшилась до 429 нижних чинов)¹⁴.

¹² Модерах – Гермесу. Пермь, 26 марта 1807 г. // Там же. Л. 1–4.

¹³ Там же. Л. 10–14, 18.

¹⁴ Там же. Л. 18, 29–30.

В середине апреля казанский гражданский губернатор уведомил Модераха, что из Смоленска вышла партия в 134 военнопленных, которых предполагалось разместить в Пермской губернии. Модерах решает оставить их в губернском городе и расселить «по квартирам, по тем самым, которые занимают военнослужащие двух рот Екатеринбургского мушкетерского полка здесь сохраняющихся, дабы при надзоре самых хозяев могли и они за теми пленными иметь наблюдение»¹⁵. На протяжении последних недель продолжалась оживленная переписка на предмет следования партий военнопленных к Смоленску и от Смоленска на Казань. При этом какая-либо определенность на предмет численности пленных, которые должны были прибыть в Пермскую губернию, совершенно исчезла. В июне 1807 г. ожидаемое число военнопленных неожиданно подскочило до 1500 человек!¹⁶ Губернские власти развернули судорожную деятельность по подготовке их расселения и обеспечения всем необходимым.

Наконец, 20 июня, по утра, команда в 118 военнопленных под конвоем трех унтер-офицеров и 20 рядовых Сарапульской команды вступили в дер. Гавриловку Оханского уезда Пермской губернии и начали движение к г. Оса¹⁷. Подготовка к принятию пленных достигла своего пика! Утрясались вопросы с обеспечением их деньгами, подводами, продовольствием... Специально в Пермь из Казанского провиантского комиссариата был командирован чиновник 8-го класса Жемчужников для решения вопроса об обеспечении партии провиантом¹⁸. 1 июля 1807 г. первая партия наконец-то прибывает в Пермь¹⁹. В ожидании прибытия следующей пермские власти стали готовить и уездные города к принятию военнопленных²⁰.

¹⁵ Модерах – Гермесу. Пермь, 18 апреля 1807 г. // Там же. Л. 23–23об.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Там же. Л. 54, 57, 59об.

¹⁸ Там же. Л. 61–61об.

¹⁹ Сохранились списки военнопленных с указанием полков, где они ранее служили (8, 50 и 69-й линейной пехоты, 3-й гусарский, 10 и 11 драгунские, 25-й легкой пехоты). Всего выступило в поход (по-видимому, из Казани) 23 унтер-офицера и 126 рядовых; однако по дороге немало «самовольно отлучилось» и было оставлено «по болезни» (Там же. Л. 67–70об., 81–83об., 93–94об.). Численность военнопленных этой партии по документам определяется по-разному: 119 человек (Л. 68об.), 118 человек (Л. 81–83об.), 102 человека (Л. 93–94об.), 126 человек (Л. 106). Партионным начальником был, по-видимому, поручик Казанского гарнизонного полка Матов; конвойная команда состояла из 33 человек (Л. 108).

²⁰ А.А. Терёхин полагал, что в первой половине августа 1807 г. в Шадринске уже были размещены 200 французских военнопленных (*Терёхин А.А.* Указ. соч. С. 59–60). Однако по нашему мнению, соответствующий документ (ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 62. Л. 86) представляет собой только форму, по которой шадринские власти должны были фиксировать количество и состояние здоровья военнопленных.

Практически сразу по прибытии первой партии в губернский город пермский городничий коллежский асессор Авдеевский составил для Гермеса «Список именной, кому какие потребно исправить вещи». Оказалось, что из расчета 118 человек (16 унтер-офицеров и 102 рядовых) нужно поставить сапог 110 пар, панталон – 31 штуку, мундиров («кафтанов») – 28, шляп – 18 и 1 галстук. Все эти обновки должны были обойтись в немалую сумму 240 рублей 90 коп.²¹

Однако главная неожиданность оказалась в том, что практически одновременно с прибытием первой партии военнопленных в Пермь пришло известие, что «по высочайшему его императорского величества соизволению всех находящихся внутри России военнопленных французов предписано отправить в скорейшем времени к г. генералу от инфантерии Римскому-Корсакову»²². Вследствие этого сапоги, панталоны и пр. были выданы²³, но только с тем, чтобы сразу же отправить военнопленных обратно.

По-видимому, уже 10 июля партия в составе 112 военнопленных вышла из Перми «под присмотром» прапорщика Белобородова и 16 казаков, и «неизнурительными переходами» двинулась в сторону Казани²⁴. В Пермской городской больнице пришлось оставить «за болезнью» 6 человек: Жоржа Бернарда из 69-го линейного полка, Пьера Тисю (из 10-го драгунского полка), Карло Гардо (из 25-го полка легкой пехоты), Франсуа Марше (из 3-го гусарского) и Франсуа [неразборчиво]²⁵. 1 августа всех военнопленных этой партии Белобородов довел до Казани и сдал местной команде.

Однако в тот же день, когда партия Белобородова покидала Пермь, в этот город вступила другая колонна военнопленных в составе 126 человек, отправленная ранее из Казани! Ее вел поручик Казанского гарнизонного полка Матов²⁶. Им всем также пришлось выдать по паре сапог и здесь же, снарядив их, отправить обратно! 12 августа поручик Матов в сопровождении 34 конвойных доставил в Казань 129 человек, включая трех выздоровевших из первой партии²⁷. В Пермской городской боль-

²¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 62. Л. 122-124об.

²² Модерах – пермскому нижнему земскому суду. 9 июля (?) 1807 г. // Там же. Л. 133–133об.

²³ См.: Регистр о выданном отправляющимся из г. Перми военнопленным французам // Там же. Л. 153–154об.

²⁴ См. список партии военнопленных: Там же. Л. 155–157об.

²⁵ Там же. Л. 169об.

²⁶ См.: Именной список военнопленным, приведенным в г. Пермь 10 июля 1807 г. // Там же. Л. 195–196об.

²⁷ Там же. Л. 214, 216.

нице продолжили лечение трое французов. На 3 сентября 1807 г. расход только на одни лекарства для них составил 23 рубля 91 коп.²⁸

Еще более фантазмагорическая история произошла с французскими военнопленными, оказавшимися на заводах горнозаводского Урала в 1812–1814 гг. Собственно в Пермской губернии пленных было немного. На 15 февраля 1813 г. в Перми и ее окрестностях оказалось 225 военнопленных, включая 3 обер-офицеров²⁹. Какого-либо значительного увеличения их численности в дальнейшем в Пермской губернии, в отличие от других уральских губерний, не наблюдалось³⁰. Так как общее число военнопленных к концу 1812 г. составило примерно 110 тыс. человек (надо вместе с тем отметить, что уже к началу 1813 г. из них умерло более 60 тыс.)³¹, и на их содержание пришлось бы потратить астрономические суммы, российские власти уже в декабре 1812 г. стали рассматривать вопрос о привлечении их к различного рода работам. При этом, как указывает Б.П. Миловидов, власти надеялись, что это должно было произойти на добровольных началах. Более того, привлечение квалифицированной рабочей силы из числа военнопленных, по мнению властей, должно было существенно способствовать хозяйственному развитию страны³².

Первый опыт такого рода на Урале имел место на Воткинском заводе. 22 марта Воткинская заводская контора запросила Департамент горных и соляных дел о возможности привлечь к работам столяра, сапожника, портного, каменщика, слесаря, бритвенного мастера, штукатура, кирпичного мастера, игольника, художника (то есть маляра), кожевника и печника из числа военнопленных французов, находящихся в Пермской и Вятской губерниях. После рассмотрения этого запроса Департамент горных и соляных дел «нашел, что действительно некоторые из них (военнопленных. – В.З.) с пользою употреблены быть могут по горным заводам»³³. Был составлен список, включавший военнопленных, годных

²⁸ Там же. Л. 225. Лечил их главный губернский врач Федор Христианович Грааль (Терехин А.А. Указ. соч. С. 60).

²⁹ Бессонов В.А. Численность военнопленных... С. 35. Примеч. 1.

³⁰ Так, в Вятской губернии к октябрю 1813 г. было 1954 военнопленных, а затем их количество возросло до 5851 человека, в Оренбургской на февраль 1813 г. было 1583 человека, затем их количество возросло до 1663 нижних чинов, 171 офицера, 41 дезертира и 2-х женщин, не считая того, что через Оренбургскую губернию прошло, направляясь в г. Ишим Тобольской губернии, 1586 поляков (Холченко С.Н. Указ. соч. С.29–33.)

³¹ Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии); *Он же*. Численность военнопленных 1812 года в России. С. 18–34.

³² Миловидов Б.П. Использование... С. 164–165.

³³ Письмо директора Департамента горных и соляных дел А.Ф. Дерябина в Воткинскую заводскую контору // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 212. Оп. 1. Д. 458 (далее – ЦГАУР). Л. 18–18об.

к различным работам на Воткинских заводах (плотников оказалось 7, кирпичных дел мастеров и печников – по 2, кузнецов – 6, каменщиков и слесарей по 3, столяров – 4, токарей, седельников, гранильщиков, штукатуров, медников и рудоплавщиков – по одному)³⁴.

Однако первые мастерские из числа французских военнопленных попали на воткинские заводы только к началу октября. Их оказалось всего четверо. Согласно приказу управляющего Воткинского железоделательного завода, четверке военнопленных, поступивших из Уржума, было определено всего-навсего по два рубля в месяц и по два пуда провианта³⁵.

Куда делись остальные мастерские? Оказывается, что когда 11 августа 1813 г. партия из 16 пленных мастеровых готова уже была отправиться к месту работы, плотник Блез Пари и слесарь Мишель Нарбут заявили, что своих ремесел они, оказывается, не знают! Вслед за тем и остальные 14 человек сообщили, что уже утратили навыки своих мирных профессий, и «работать в заводах не хотят и идти за препровождением военной команды не соглашаются». В конечном итоге берг-инспектор Пермского горного правления П.Е. Томилов вынужден был отправить их на городские работы в Кунгур³⁶.

Что же четверо молодцов из Уржума? Прижились ли они на уральском заводе, удовлетворившись двумя рублями в месяц и двумя пудами провианта? На заводе вскоре стало ясно, что итальянец Амброзио в действительности никакого ремесла не знает, а трое других (французы Леш и Паскаль и итальянец Салля) отказались работать за ту плату, которая была установлена для русских мастеровых³⁷. 13 октября Воткинская заводская контора приняла решение о возвращении четырех пленных «французов» обратно в Уржум; 20 октября был запрошен на этот счет пермский берг-инспектор³⁸. 14 декабря Томилов сообщил Воткинской за-

³⁴ Там же. С. 19.

³⁵ Там же. Л. 31–33.

³⁶ Там же. С. 37–38; *Миловидов Б.П.* Использование... С. 167–168.

³⁷ Важно отметить, что уже после того, как этих четверых военнопленных пришлось отправить из Воткинского железоделательного завода обратно в Уржум 13 декабря 1813 г., Главная контора Гороблагодатских заводов сообщила, что, согласно предписанию министра финансов, «жалованье мастерским из числа военнопленных могло быть от 24 до 150 рублей в год, с выдачею сверх того провианта» (ЦГАУР. Л. 36). Знала ли Воткинская заводская контора об этом ранее? Возможно, она руководствовалась предписанием Вязмитинова, в котором говорилось следующее: «...оповестить взять на заводы художников, мастеровых и работников из числа военнопленных за обыкновенную плату и содержание, какое получают работники мастерские тех ремесел, к которым они употреблены быть могут» (Список с отношения вятского гражданского губернатора к пермскому гражданскому губернатору от 3 февраля 1813 г. // ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 81. Л. 51–51об.).

³⁸ ЦГАУР. Л. 38об. – 39.

водской конторе о решении вятского гражданского губернатора. Последний приказал уведомить четырех военнопленных о том, «что когда будут они уволены из сего завода, то им вторичной одежды дано не будет... и когда они и после сего не согласятся остаться в сем заводе, то отправить их в город Сарапул к тамошнему городничему»³⁹. 22 декабря решение об отправке четырех мастеровых с Воткинского железодельного завода наконец-то было окончательно принято⁴⁰, и в январе 1814 г., получив взамен провианта деньги, они отправились в Сарапул в распоряжение «тамошнего городничего».

С именем сарапульского городничего А.В. Дурова оказалась связана, пожалуй, самая «забавная» история, случившаяся с пленными французами на горнозаводском Урале⁴¹. В начале 1813 г. в Сарапуле, уездном городе Вятской губернии, оказалось размещено до 400 (!) военнопленных армии Наполеона. Андрей Васильевич Дуров, отец той самой знаменитой кавалерист-девицы (!), решил извлечь из пребывания сей массы пленных, создавших для него немалые проблемы, хоть какую-то пользу. 22 января 1813 г. он пишет крупному заводчику Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, который жил в это время в Пожевском заводе, письмо и предлагает воспользоваться случаем и принять на работу мастеровых людей из числа военнопленных. Дуров уверяет «батюшку Всеволода Андреевича», что расходы на содержание этих работников будут минимальными – по семи рублей в месяц, и пища – говядины фунт на каждого и порция вина. В заключении городничий просил «батюшку» Всеволода Андреевича за весельем и занятиями хозяйством его, «преданнейшего и искреннейшего» Дурова, не забывать⁴².

Всеволожский, по-видимому, ничего не ответил на это письмо. Однако вскоре сарапульский городничий вместе с дочерью (поручиком Литовского уланского полка Александровым), приехавшей к отцу на излечение, и сыном Василием отправился через Пермь в Пожву, к В.А. Всеволожскому. Всеволод Андреевич встретил их радушно, поразил «герцогским» размахом своей жизни. Да и само заводское хозяйство не могло не восхитить гостей. Дело в том, что Всеволод Андреевич по смерти своего дядьки Всеволода Алексеевича стал владельцем поистине огромного состояния. В одной только Пермской губернии в его имении по 5-й ревизии (90-е годы XVIII в.) было мужского пола дворовых, мастеровых и

³⁹ Там же. Л. 41–41об.

⁴⁰ Там же. Л. 43–44.

⁴¹ Выражаем глубокую признательность Д.А. Лобанову и И.С. Гафурову, оказавшим неоценимую помощь в поисках документов в фондах ГАПК.

⁴² ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 356. Л. 1.

рабочих людей и крестьян 10314 душ (!), не говоря уже о землях, лесах, соляных промыслах, приисках, и пр., и пр.⁴³ При этом, женившись на Н.А. Бекетовой, в 1810 г. умершей, Всеволожский увеличил свое состояние до гигантских размеров. Будучи человеком беспокойным и деятельным, Всеволод Андреевич активно расширял производство, внедрял технические новшества. Пожевской завод, в котором он обосновался на несколько лет, был предметом его особой заботы. В те годы на нем было занято 876 мастеровых и 1647 приписных крестьян! Тогда, во время приезда на завод Дуровых, Всеволод Андреевич с барского плеча подарил 14-летнему Василию выезженную английскую кобылу.

Стоит ли удивляться тому, что, вернувшись в Сарапул и опять отправив в мае 1813 г. дочь в действующую армию, городничий вновь и вновь предлагает услуги своему благодетелю «батюшке Всеволоду Андреевичу». 22 сентября и 5 октября Дуров отправляет в Пожву одно за другим два письма, в которых убеждает Всеволожского принять на свой завод, казалось бы, дармовую квалифицированную рабочую силу. Всеволод Андреевич откликнулся, как можно понять, только 18 ноября. Он наконец-то решил принять французских мастеровых на свой завод и выразил особую заинтересованность в мастерах по ковке ножей, вилок, ножниц, пил и «тому подобных вещей»⁴⁴. Дуров спешит составить регистр тем военнопленным, которые могли бы быть полезны Всеволожскому. Туда попали: четверо столяров, три живописца (маляра), 1 сапожник, 2 слесаря, один седельник и каретник⁴⁵. Отправляя сей список, Дуров отписал, что эти «мастеровые военнопленные» – «все ребята молодые, делают ножи столовые и вилки». Он просил Всеволожского прислать за ними своего человека, который бы доставил военнопленных вначале в Соликамский земский суд, а уже оттуда – «к Вам на завод доставить, ведь завод Ваш в Соликамском округе»⁴⁶. Здесь следует напомнить одну деталь: Пожевской завод находился в Пермской губернии, тогда как мастеровые военнопленные должны были прибыть из г. Сарапула Вятской губернии.

Всеволожский, по-видимому, догадывался о сложностях, которые могут возникнуть у него в связи с этим. Но уступая навязчивым предложениям Дурова, 12 декабря 1813 г. все же дал согласие на присылку мастеровых. Вместе с тем Всеволожский настоятельно просил у Дурова дать

⁴³ См.: *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 1. С. 390–391.

⁴⁴ Всеволожский – Дурову. Пожевской завод, 18 ноября 1813 г. Черновик // ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 356. Л. 6–7.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ Выписка из письма А.В. Дурова от 28 ноября 1813 г. // Там же. Л. 4.

военнопленным «для свободного житья у меня законные виды, дабы [неразборчиво] сомневаться в их безопасности и могу иметь право держать у себя, нимало не опасаясь преждевременного требования». Более того, в письме говорилось так: «Буде же паче чаяния, кто из них окажется к работам неспособным, то таковых я буду предоставлять обратно». Всеволод Андреевич просил также сарапульского городничего поискать среди военнопленных «стекольного мастера и другого умеющего варить на соляных заводах соль»⁴⁷, а также передать послание вятскому гражданскому губернатору Ф.И. фон Браке, в котором сообщал «о желании принять мастеровых из военнопленных»⁴⁸.

12 декабря Всеволожский отдал приказ своему человеку Ивану Кабанову отправиться в Сарапул и доставить оттуда от городничего Дурова в Пожевской завод французских мастеровых, не забыв снабдить их «законными видами». На расходы Кабанову было выдано 100 рублей⁴⁹. К двадцатым числам декабря 1813 г., проделав в холода путь в более чем 220 верст, Иван Кабанов прибыл в Сарапул. Однако в обратный путь он отправился только через несколько дней, 23 декабря⁵⁰: пришлось пережить страшные морозы и снабжать военнопленных необходимой одеждой. На девятнадцать военнопленных пришлось купить шапки, рукавицы, вареги (варежки) и коты (валенки, катанки). Дуров, желая услужить, дал Кабанову займы 200 рублей, дабы тот мог не только оплатить обновки для военнопленных, но и выдать каждому из них по 19 рублей, обеспечить питанием на время обратного пути и дважды в день – перед обедом и ужином – порцией вина. Помимо этого сарапульский городничий «от себя» выдал каждому из военнопленных по 5 рублей, а «батюшке Всеволоду Андреевичу» отправил красной рыбки, присланной ему из Астрахани.

Денег, одолженных Дуровым Кабанову, не хватило! 29 декабря, добравшись до села Рождественного, Кабанову пришлось взять в долг в земской конторе (?) еще 20 рублей⁵¹. И только 1 января 1814 г. девятнадцать пленных солдат армии Наполеона наконец-то были доставлены в Пожевской завод⁵². 5 января Кабанов составил отчет о приходе и

⁴⁷ Всеволожский – Дурову. 12 декабря 1813 г. Черновик // Там же. Л. 8–8об.; Всеволожский – Дурову. 18 декабря 1813 г. // Там же. Л. 10–11.

⁴⁸ Текст этого послания см.: Там же. Л. 12.

⁴⁹ Там же. Л. 16–18об. Сохранилась копия «билета», выписанного 22 декабря 1813 г. Дуровым на партию 19-ти французских военнопленных с приложением «регистра» (Там же. Л. 30об.).

⁵⁰ Дуров – Всеволожскому. Сарапул, 23 декабря 1813 г. // Там же. Л. 14.

⁵¹ Рапорт Кабанова. Село Рождественное, 29 декабря 1813 г. // Там же. Л. 20.

⁵² Там же. Л. 21.

расходе денег. Оказалось, что в общей сложности было потрачено 319 рублей 83 коп.⁵³ На следующий день Всеволод Андреевич пишет письмо Дурову, в котором благодарит его за доставленных к нему «мастеровых военнопленных и за одолжение человека моего двумястами рублями», которые, конечно, он готов возвратить городничему. «Равномерно благодарю Вас, – писал Всеволожский, – и за рыбу..., которая употреблена с большим аппетитом»⁵⁴. Письмом от 20 января 1814 г. Всеволожский счел нужным уведомить Пермское горное правление о том, что «выписал из Вятской губернии из города Сарапула девятнадцать человек» из числа «военнопленных французов». К письму был приложен их список⁵⁵.

28 марта 1814 г. Пермское горное правление уведомило Всеволожского о получении его письма и о том, что, так как завод состоит в ведении Соликамского земского суда, именно он и должен будет «печься о надзоре за пленными»⁵⁶.

Между тем расходы на содержание прибывших мастеровых, которые еще и не начинали работать, продолжали быстро расти. По первоначальным подсчетам, сделанным 1 января 1814 г., на их содержание в месяц следовало отпускать 164 рубля 44 ½ копейки. Сюда была включена стоимость ржаной муки, крупы, соли, масла коровьего на каши, мяса говяжьего и вина. Однако реальность оказалась еще более «накладной». 20 февраля 1814 г., при подведении расходов на военнопленных (включая их переезд из Сарапула в завод, пошив «курточек с панталонами и шинелей», по две пары рубах, сальных свечей на освещение, «на дело квасу муки ржаной», обустройство постелей, на стряпуху, на дрова, на содержание рассыльного, и пр., и пр.) цифра вышла просто ошеломляющая – 1262 рубля 88 копеек!⁵⁷

⁵³ Там же. Л. 21–21об.

⁵⁴ Всеволожский – Дурову. Пожевской завод, 6 января 1814 г. (в оригинале описка – «1813») (Там же. Л. 22).

⁵⁵ Там же. Л. 23–23об. Первый список из 11 человек был составлен перед отправкой партии из Сарапула. Он включал: 4-х столяров (Домион Огюст, Дебоско Симон, Русель Мари, Бартелеми), 3-х «живописцев» (Лонье Пе, Русель Мари, Аршан Бу), сапожника (Ле Муен), 2-х слесарей (Анри Бернади, Санжедни), одного седельника и каретника (Рино). Список из 19 человек, реально доставленных в Пожевской завод (без указания профессии), был таким: Домион Огюст, Дебоско Симон, Русель Мари, Лямуй, Асен (?), Килеори, Леонард Лиевр, Лонье Пе, Феррари, Лоти, Пюн(к)ель Пьер, Анри Бернаби, Синаеж(д)ни, Антуаль Доминик, Рино, Бартелеми, Алексис Крибус, Фикт (?), Алес Батист (Там же. Л. 23об.). Помимо путаницы в написании французских имен очевидно, что кто-то из 11 человек первого списка в последний момент отказался от работы на Пожевском заводе.

⁵⁶ Там же. Л. 24.

⁵⁷ Там же. Л. 27–28.

Но настоящие проблемы начались у Всеволожского в марте, когда «французские мастерские» должны были наконец-то приступить к работе и внести свой вклад «в модернизацию» уральской промышленности. 23 марта 1814 г. пятеро французов после обеда отказались от выполнения работ! Этими забастовщиками были Дебеско Симон, Бартелеми, Русель Мари, Лонье Пе, Алес(о) Батист⁵⁸.

24 марта правление Пожевского завода приняло решение отправить этих пятерых, «невоздержанного и притом ослушного поведения», в Соликамский нижний земский суд, так как их «между мастерскими иметь никак невозможно»⁵⁹.

Оставшиеся на Пожевском заводе 14 человек, отличавшиеся, по видимому, более смирным поведением, поработали тоже недолго. 8 июня 1814 г. Дуров, получив приказ (скорее всего, из Вятки) о том, что «по воле государя военнопленные отправляются в свое отечество», вынужден был выписать билет для свободного пропуска французов, живших в Пожевском заводе. Они должны были быть отправлены «обратно до Сарапула» «без малейшего задержания и остановки»⁶⁰. Оттуда Дуров должен был доставить их в г. Орлов Вятской губернии.

19 июня 14 французов, находившихся в заводе, были отправлены в Сарапул. Примерно тогда же из Соликамска двинулись также в Сарапул и пятеро наказанных ранее забастовщиков. Дуров, видимо, не будучи об этом уведомлен, 23 июня в панике пишет Всеволожскому, что губернатор его бранит и умоляет Всеволода Андреевича отправить пленных поскорее⁶¹.

Однако и после того, как все французские «гости» оказались в Сарапуле, страдания местного городничего не закончились. 30 июня 1814 г. некто Минюхин (вероятно, человек Всеволожского) представил в Главное правление Пожевского завода рапорт, в котором сообщил, что «французы по приезде сюда (в Сарапул. – В.З.) оказали здесь совершенное буйство». Во-первых, они не захотели идти на лодках (как то планировал, отправляя их в Орлов, Дуров), утверждая, что это чрезвычайно опасно. Во-вторых, они потребовали выдачи им харчевых денег на дорогу, утверждая при этом, что они были уже обижены, так как им «не дадено харчевых». Городничему, который, судя по всему, испугался, что вся эта история может дойти до начальства, распорядился отправить бывших

⁵⁸ Там же. Л. 31.

⁵⁹ Рапорт правления Пожевского завода в Соликамский нижний земский суд. 24 марта 1814 г. (Там же. Л. 32–32об.).

⁶⁰ Там же. Л. 34.

⁶¹ Там же. Л. 45.

военнопленных сухопутным путем на подводах (что было значительно более затратно, чем по воде) и выдал им 50 рублей, дабы «удовлетворить их алчность»⁶².

Так закончилась эта «воткинско-сарапульско-пожевская» история, отразившая тщетные попытки воспользоваться, казалось бы, дармовой, но одновременно квалифицированной рабочей силой на горных заводах хребта Уральского. Главная причина неудачи всех этих попыток заключалась, конечно же, в том, что французские солдаты (которые все, по российской терминологии, были нижними чинами) оказались носителями совершенно иной, в отличие от простонародья крепостнической России, идеологии, иного мировосприятия и иного социального поведения. Низкая заработная плата, соединенная с внеэкономическим принуждением к труду никоим образом, даже в условиях плена, не могла их устроить. Какого-либо заметного влияния (за исключением примера «непослушания и неповиновения» для уральских мастеровых и работных людей) на развитие уральской горнозаводской промышленности попытка использования труда военнопленных армии Наполеона не имела.

⁶² Там же. Л. 39-40.